

рической протяженности привычные для русского читателя летописи и хронографы, этот памятник в то же время отличался глубокой разработкой отдельных эпизодов и пристальным вниманием к деталям, содержал немало беллетристических кусков. Глава о Чехии не была в нем «рядовой»: здесь подряд читалось несколько сюжетно самостоятельных и, главное, чрезвычайно занимательных преданий. Они привлекли специальное внимание русских литераторов — об этом свидетельствует извлечение и самостоятельное бытование сказания о девичьей войне. Этот факт падает уже на конец XVII в., когда появляется сразу несколько произведений о легендарном периоде чешской истории.

Среди них наиболее интересны «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и 6-я глава 76-главной Космографии.⁵ Оба текста суть самостоятельные переводы чешской части «Хроники европейской Сарматии», автор которой, Александр Гваньини, в данном случае пользовался текстом Мартина Бельского.

В «Истории вкратце о Бохеме» последовательно устранены все детали, напоминавшие о католическом характере оригинала. Здесь также русифицирована терминология — как польская, так и общеевропейская. Обильная примесь полонизмов, конечно, не дает оснований полагать, что переводчик был поляком, как утверждал А. И. Соболевский. Этому предположению противоречат русификаторская и «православная» тенденция, хорошее знание русских источников (например, проложных житий Вячеслава и Людмилы), характерная неприязнь к «иностранине» и, наконец, живые просторечные выражения, тактично и умело введенные в текст. Полонизмы же вообще широко употреблялись в русском литературном языке конца XVII в.

Автор «Истории», равно как и составитель 76-главной Космографии, обратился к книге А. Гваньини потому, что в ней — сравнительно с Мартином Бельским — были выпущены многие эпизоды сугубо исторического характера. Если у Мартина Бельского история уравнивается беллетристические пассажи, то у А. Гваньини, напротив, получилась цепь легендарных рассказов. Оба рассматриваемых памятника можно назвать сборниками новелл с законченным повествовательным сюжетом; на эти самостоятельные новеллы приходится около четырех пятых общего объема «Истории вкратце о Бохеме» и 6-й главы Космографии. Связь между звеньями условна; цепь свободно распадается на звенья.

Выделение некоторых новелл действительно имело место: в рукописях встречается легенда о пустынноике Иване⁶ и предание о девичьей войне.⁷

⁵ Сравнение этих памятников, текстологический анализ двух известных списков «Истории», описание сборников, литературная характеристика и проч. даются в статье: А. М. Панченко и В. П. Степанов. «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» и ее источник. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 303—313. Здесь же приведена и литература вопроса.

⁶ Она известна в трех самостоятельных списках конца XVII—начала XVIII в.: ГБЛ, собр. Румянцева, № 459, л. 475—475 об.; ГИМ, собр. Уварова, № 756, лл. 231 об. — 232; ГИМ, собр. Уварова, № 506, лл. 38 об. — 39 об. Я безусловно поддерживаю в вопросе о происхождении легенды противников «старославянской гипотезы» и связываю ее с Мартином Бельским либо с Александром Гваньини. См.: А. В. Флоровский. Чешские струи в истории русского литературного развития. — В кн.: Славянская филология, III. М., 1958, стр. 231; А. М. Панченко. Вопросы изучения чешско-русских литературных связей XVII в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 644—652.

⁷ Этот текст обнаружен мной в сборнике ГБЛ, собр. Ундольского, № 761, XVIII в. (начало), на лл. 104—108 об. Некоторые специфические ошибки, которые могли появиться лишь в процессе переписки, говорят о том, что извлечение было сделано не позже конца XVII в. В настоящем томе рассказ «О Владиславке девке» не публикуется,